

Особенности перевода метафоры с таджикского языка на русский
(на материале «Достонҳои «Шохнома» С. Улугзода в переводе Нору
Улугзода - «Сказания из «Шахнаме»)

*Мурувватиён Джамила Джамол,
Мурувватиён Сабрина Шерали-Хан*

Тесная связь метафорической единицы, выражений и оборотов с учеными-лингвистами день за днем набирает новые обороты, которых интересуют тайны метафоры. О метафоре написано огромное количество трудов, начиная от Аристотеля до Руссо и Гегеля и далее до Э. Кассирера, Х. Ортеги-и-Гассета и многих др. Эстетическая природа метафоры привлекала к себе внимание не только исследователей, но и писателей, поэтов, которые умело пользовались ею для создания своих шедевров. Сегодня изучение метафоры становится все более интенсивным, охватывая многие сферы науки, таких как логика, философия, психоанализ, герменевтика, психология, литературная критика, риторика, семиотика и лингвистика, что привело ученых к формированию когнитивной науки, в основе которой «предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи — осуществления процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума» [20]. Работы М. Блэка, Д. Дэвидсона, Дж. Лакоффа, Н. Д. Арутюновой, Э. Кассирер, Дж. Серля, П. Рикера и др. являются свидетельством того, что метафора, действительно, является предметом глубокого осмысления.

Термин метафора изначально был введен Аристотелем: «Переносное слово – это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии [3, 34].

Помимо мифического варианта ученые рассматривали еще один возможный ресурс появления метафор, связанный с ассоциативным мышлением. Этот этап является прогрессивным, или иными словами, ступенькой вверх в пути к эволюционному восприятию измененных выражений. Осилев сложность нового, более детального и многостороннего вида мышления, первобытный человек смог преобразовать свою речь. Бесспорным достижением системы человеческого мозга является становление новой более сложной формы ассоциативного познания окружающей среды. Метафоры будучи языковыми выражениями становятся возможными именно потому, что существуют в понятийной составляющей человека.

Первоначально внедрение метафорических оборотов характеризовалось преимущественно по признаковым сходствам облика, фигуры, геометрии, цвета, действия, к примеру появление таких метафор, как: «сердце столицы», «черный день», «твердая пятёрка» и т.д. С тех пор, как метафора вошла в речевой обиход, она поспособствовала формированию многих слов, имеющие два или более значений – омонимов и полисемантики. В некоторых случаях прием аналогии, ассоциации и сравнения не приходятся целесообразными. В качестве примера, приведем метафору, указанную Джорджем Лаккофом: «Спор как война» намного отличается от метафоры «Спор – это война», скорее, ученый, попытавшись интерпретировать их, не вполне вник в глубь смысла. Нам думается, что в данном случае, вышеуказанные примеры представляют собой сравнение или уподобление, нежели метафорическое выражение.

Что касается классификации метафор, то, многие ученые имеют разные точки зрения на этот счет, к примеру, Лакофф Джонсон разделяет метафору на:

«Анималистическую (или зооморфную) метафору, которая основана на сравнении с животным. Такое сравнение может быть реализовано способами словообразования, в результате чего возникают авторские неологизмы.

Антропоморфную (или антропоцентрическую) метафору (от греч. antropos – «человек» и morphe – «форма») - сравнение предметов, растений, животных с человеком.

Пространственную (ориентационную) метафору, основанную на аналогии с каким-либо измерением пространства, также с пространством может сравниваться время» [15, 23].

Еще один известный ученый В. П. Москвин, в свою очередь, думает иначе и выделяет «Метафоры, как именующую тематическую зону-источник ряда производных (побочных, второстепенных) метафор, называются *ключевыми, базисными, корневыми* или *концептуальными*. Ключевыми являются метафоры огня, сна, пути, воды и др. Ключевые метафоры, уходящие корнями вглубь истории общества (его мифологию, фольклор), иногда называют метафорическими архетипами. При классификации метафор по основному субъекту в качестве последнего могут выступать, в частности, такие понятия, как, например, *свет и цвет, неопределённое большое или малое количество, смерть, жизнь* и т.д. [18,25].

Необходимость в пополнении знаний о метафоре ныне неоспорима, так как метафора отличается своей «гибкостью» и может функционировать не только в языкознании, но и в психотерапии, социологии и даже экономике. Эстетичность и практичность метафоры, позволяющие ей выразить и обозначить то, для чего нет прямого обозначения, стимулировал рост теоретического интереса к

ней: появились исследования метафоры в различных терминологических системах [21, 12].

Практичность метафоры заключается том, что она содержит точную и яркую характеристику лица, а эстетичность проявляется в том, что метафора не проникает ни в досье, ни в анкету.

Однако метафора содержит такой объём информации, который позволяет ей выполнять функции термина [1]. Можно привести в пример экономическую метафору: «термин «венчурное финансирование» является метафорой, определяющей взаимоотношения инвестора и предпринимателя. Настоящий смысл этих финансово-производственных отношений, выраженных метафорично, подразумевает, что партнеры, не имея гарантий и зная о неопределенности и непредсказуемости венчурного бизнеса, рассчитывают, тем не менее, на высокую прибыль. Еще одним примером метафоры в банковской терминологии являются понятия «пардохти идоракунй» и «хаққи идоракунй», которые обозначают траты (любое письменное распоряжение выплатить указанную сумму, например, переводной вексель) на управление компанией» [28].

Однако не всегда отношение к метафоричности была ровной, к примеру, английские философы рационалисты, к числу которых относится Т. Гоббс, относились к метафоре подчеркнуто отрицательно. По мнению Т. Гоббса, главная задача речи – это речь выражения и передачи мысли, и потому, она должна быть максимально ясной, т.е. для выполнения этой функции пригодны только слова, употребленные в их прямом смысле, а стало быть, метафора является препятствием к выполнению этого главного назначения языка [9]. Ученый был категоричен в своей позиции, отмечая, что: «Свет человеческого ума — это вразумительные слова, предварительно очищенные от всякой двусмысленности точными дефинициями. Рассуждение есть шаг, рост знания — путь, а

благоденствие человеческого рода — цель. Метафоры же и двусмысленные слова, напротив, суть что-то вроде *ignes fatui* (блуждающих огней), и рассуждать при их помощи — значит бродить среди бесчисленных нелепостей, результат же, к которому они приводят, есть разногласие и возмущение или презрение» [9, 63].

Склонность человека к метафоричному выражению мысли осудил и Дж. Локк, по мнению которого образное употребление слов могут «лишь внушать ложные идеи, возбуждать страсти и тем самым вводить в заблуждение рассудок и, следовательно, на деле есть чистый обман. ... И напрасно жаловаться на искусство обмана, если люди находят удовольствие в том, чтобы быть обманутыми» [16].

С изучением новых не только физических, но и интеллектуальных навыков, человек стал вбирать познавательный опыт и совершенствоваться. Вследствие чего возможности мозга значительно расширились во многих планах, таких как: аналитическое сознание, предусмотрительность и детальная оперативность. В результате преодоления примитивности, появилась новая стезя в нормативной лексике, свойство, сформированное в процессе познания человеком мира и мыслительной эволюции - ассоциация. Такой прием отличался от прежнего «описательного» тем, что состоял из более красочных оттенков передачи мысли. Речь первобытного человека украшалась яркостью и художественностью.

Немецкий философ Фридрих Ницше, известный своей мудростью и заслуженными трудами полагал, что человеческое познание насквозь метафорично, «устроено» по эстетическому принципу, а его результаты, будучи продуктом художественного творчества, неverifiedируемы (не поддаются проверке). В том числе, стоит обратить внимание на другого не менее известного ученого Эрнста

Кассирера, который считал, что мышление может быть, как метафорическим (мифопоэтическим), так и дискурсивно-логическим.

Метафора является обязательным компонентом художественного текста, особенно поэтического, где она гармонично соединяет в себе образ и смысл, не позволяет сводить к буквальной перефразе, своей синтетичностью, способностью выбирать кратчайший путь к сущности объекта.

Общепринятый и давно обыденный факт о том, что люди, увидев то или иное здание, сооружение или архитектурную выдумку тотчас проводят моментальную аналогию ее образа. Такая аналогия может произойти с животными, растениями, птицами и др. Исходя из этого, в обиход внедряются новые метафоры, которые со временем стойко держатся в лексике человека. Жизненный путь метафоры зависит от периода воспроизведенного ажиотажа, естественно, что, привыкнув к новому дизайну здания, метафора превращается в клише, такая же участь настегает неологизмы, которые в итоге уходят в ряд архаизмов.

В данной статье мы предприняли попытку детального сравнительно-аналитического разбора, совершенного на основе двух текстов – «Достонҳои «Шоҳнома», которая является оригиналом в переложении Сотима Улугзода и переведенная на русский язык версия «Сказания из «Шахнаме», осуществленная Норой Улугзода.

В качестве предмета сравнительно-сопоставительного анализа мы решили взять метафору – особенности и проблемы ее перевода с таджикского на русский язык.

О значимости «Шахнаме» в Афганистане Рустами Достон говорил следующее: «Агарчӣ «Шоҳнома» дар миёни мардуми Афғонистон шӯхрати зиёд дорад, аз пурсишҳои мо маълум шуд, ки баъзе аз матнҳои гуфтории «Шоҳнома» дар бархе аз китобҳо ва нашрияҳои Афғонистон нашр шудааст». («Несмотря на то, что «Шахнаме» очень известна среди афганцев, по нашим данным

выяснилось, что некоторые устные рассказы «Шахнаме» были опубликованы в книгах и изданиях в Афганистане»).

В конце XIX века и начале XX века книга «Шахнаме» была очень популярна среди представителей таджикской национальности, а в Бухаре, Самарканде, Худжанде, Кулябе, Истаравшане, Гиссаре и других областях Республики Таджикистан были даже определенные люди, которые читали и распространяли рассказы из «Шахнаме». Такая тенденция распространилась на другие страны Центральной Азии, включая Бухарский эмират.

Успеху интеллектуального развития помешала советская реконструкция и антирелигиозная борьба 1920-х и 1930-х годов, разрушение культуры и последующие события Второй мировой войны привели к тому, что некоторые люди забыли некоторые из своих традиций или стали уделять им меньше внимания.

Переложенная «Шахнаме» Фирдоуси является долгой и кропотливой работой С. Улугзода, которая, бесспорно заслуживает дань уважения. Ведь именно благодаря краткому варианту книги царей, предложенной им, нам стал более доступным и понятным к восприятию весь спектр событий «Шахнаме». Впрочем, зная все богатство материала оригинала и переложенной в прозу книги, совсем не удивительно, что именно она была подвергнута детальному исследованию и ее посредством может произойти еще немало разноаспектных анализов. Что касается метафоры в переложении С. Улугзода, хочу отметить достоинство писателя и его редкий навык выразительности речи. Общеизвестен факт о гнусной характеристике метафоры, которая поддается не каждому уму, в связи с констатацией которого мы осознаем всю сложность проделанной Сотимом Улугзода работы.

В подтверждение вышесказанного рассмотрим пример из оригинала («Достонҳои «Шохнома»):

Оригинал:

«Дар ҳамсоиягии давлати Чамшед мамлакате буд бузург ва пахновар, ки **биёбонҳои беканор** дошт; подшоҳи он мамлакат, ба ном Мардос, дар саховату некӯкорӣ машҳур буд.

Писари ӯ Заҳҳок **ҷавони сабуқ, бодӣ, сангдил** ва бедодгаре буд.

Аҳремани фитнаангез, ки барои корҳои зишт ҳамин гуна одамони камхирад ва худкомро мечӯяд, як пагоҳ худро ба сурати марди некандеш дароварда, назди Заҳҳок омад ва бо **забони нарму** овози форам ба гӯши вай афсун хондан гирифт:

Фаровон суҳан гуфт зебову нағз,

Ҷавонро зи дониш тигӣ буд мағз» [12,10].

Перевод:

«По широким просторам безводной Аравийской пустыни кочевали арабы в поисках мест, напоенных водой. Караваны верблюдов, с которыми странствовали кочевники, сопровождали огромные отары овец, стада коров, коз и табуны лошадей. Управлял тем народом царь Мадрас, и все говорили, что он мудр и справедлив.

У справедливого царя Мадраса был сын по имени Захок (*в переводе Н. Улугзода имя Захок использовано с одной буквой «х», следовательно, при обсуждении результатов перевода мы используем этот вариант - от авторов статьи*). Совсем не похож он был на отца ни лицом, ни нравом. Злой и безрассудный тот юнец в праздности проводил время и щеголял в дорогих одеждах. «...».

Злобный див явился перед царевичем в образе почтенного старца, вошел к нему в доверие и хитрыми речами опутал его мелкую душу. Очерствело сердце Захока, наполнившись злобой и ненавистью. Радость объяла Ахримана, когда убедился он, что полностью погубил себя царевич, доверившись бесу. Стал он нашептывать ему коварные, сладкие речи, которым внимал обделенный разумом Захок» [26, 22].

По данным примерам мы наблюдаем как автор оригинала – С. Улугзода использует метафоры в описании природы, в описании характера юноши Захока, и в описании поведения Ахримана. Далее, в переведенном отрезке мы привели взгляд Н. Улугзода на данный текст, где ею было допущено много разночтений, несоответствующих оригиналу. Во-первых, переводчик не передала (выделенные нами выше) метафоры, которые присутствовали в оригинале, а воспользовалась приемом опущения оттеночного украшения; во-вторых, переводчиком были добавлены отсутствующие в оригинале подробности (в описании образа и внешнего вида Захока, в описании местности, царем которой был Мадрас, и в описании реакции Ахримана на послушание Захока), исходя из этого, мы можем констатировать факт наличия приема добавления; в-третьих, на примерах наглядно видно, что С. Улугзода написал последние две строки в виде двустишия, однако Н. Улугзода не стала следовать оригиналу, вследствие чего перевела двустишия без должной рифмы и структуры, т. е. в прозе.

Нора Улугзода в процессе перевода столкнулась с большим количеством выразительных единиц, что значительно усложнило ей работу, все же, несмотря на многие не состыковки с оригиналом, стоит подчеркнуть ее заслугу и важный вклад в перевод таджикской литературы.

Также в переведенном тексте («Сказания из «Шахнаме» Н. Улугзода) есть такое выражение как: «Тосковало его сердце по родной земле, и печаль, как весенняя туча, застилала ему разум, зажигала гневом его глаза» [26, 35]. Здесь речь идёт о Фаридуне, который был вынужден податься в бега из родных краев из-за злого Заххока, жаждущего его смерти, а змеи на его плечах – мозгов юноши. В данном случае, мы наблюдаем как автор уподобляет настроение героя

(Фаридуна) природному явлению, из чего исходит метафорическое сравнение – его плохое настроение подобно плохой погоде.

Рассмотрим еще один пример, где автор прибегает к красочной природной метафоре:

Оригинал:

«Чун аз дашт ба наздики шаҳр расиданд, Фаридун аз масофаи як мил ба он нигоҳ кард, кохе (қасре) дид, ки ба сипеҳр қад кашида ва **ҳамчун ситораи Муштарӣ фурӯзон буд**, донист, ки мақомгоҳи шоҳи аждаҳобардӯшон ҷост. Гурзи гаронро бардошта сари аспи тезтакро сар дод, дар як дам ба қоҳ расид, - **гӯё оташе гардиду** нагоҳон дар пеши посбони қаср аз зери замин барҷаст» [12, 25].

Перевод:

«Приближаясь к городу, издали увидел Фаридун замок, который возвышался до самых небес, главой своей касаясь звезды Муштари, а сияние его затмевало блеск самой звезды. Так вот он дворец царя-дракона!» [26, 36].

В данном эпизоде, мы можем видеть, что переводчиком не было передано всего спектра событий, что привело к искажению текста оригинала. Также переводчик не передает метафорическое описание «**ҳамчун ситораи Муштарӣ фурӯзон буд**» и «**гӯё оташе гардиду**», вследствие чего читатель не получит должной эмоциональной нагрузки.

Заключение

Исходя из вышепродланного анализа двух текстов – оригинала с его переводом на русский, нам удалось выявить методы, использованные переводчиком – Н. Улугзода и недостатки, допущенные ею при переводе, а именно: Сотим Улугзода, описывая красочность природы пишет языком метафоры (в описании характера юноши Захока, в описании поведения Ахримана). В переведенном отрезке мы привели взгляд Н. Улугзода на данный эпизод, где ею было

допущено много разночтений, несоответствующих с оригиналом. Во-первых, переводчик не передала (выделенные нами выше) метафоры, которые присутствовали в оригинале, а воспользовалась *приемом опущения оттеночного украшения*; во-вторых, переводчиком были добавлены отсутствующие в оригинале подробности (в описании образа и внешнего вида Захока, в описании местности, царем которой был Мадрас, и в описании реакции Ахримана на послушание Захока), исходя из этого, мы можем констатировать факт наличия *приема добавления*; в-третьих, на примерах наглядно видно, что С. Улугзода написал последние две строки в виде двустишия, однако Н. Улугзода не стала следовать оригиналу, вследствие чего привела двустишия без должной рифмы и структуры.

Данный анализ выявил ранее неисследованные аспекты перевода «Достонҳои «Шохнома» на русский язык - «Сказаний из «Шахнаме».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминообразования: учебное пособие по спецкурсу. – Пермь, 1998. – 120 с.
2. Аристотель. Поэтика / пер. М. Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. И. 4. М: Мысль. 1984
3. Аристотель - Сочинения в четырех томах. Том 4 / Перев. и ред. А.И. Доватура. - М.: Мысль, 1983. - 830 с.
4. Арутюнова, Н. Д. Теория метафоры / вступ. ст., сост.; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
5. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; [примечания С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова]. - 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
6. Бирдсли, Монро. Метафорическое сплетение / Монро Бирдсли ; пер. с англ. Н. Н. Перцовой // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М., 1990. – С. 201–218.
7. Бикертон, Дерек. Введение в лингвистическую теорию метафоры / Дерек Бикертон ; пер. с англ. Н. Н. Перцовой // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой ; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М., 1990. – С. 284–306.
8. Блэк, Макс. Метафора / Макс, Блэк ; пер. с англ. М. А. Дмитриевской // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой ; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М., 1990. – С. 153–172.
9. Гоббс Т. Левиафан. М., 1936.

10. Добжиньская, Тереза. Метафорическое высказывание в прямой и косвенной речи / Тереза Добжиньская ; пер. с пол. Г. Е. Крейдлина // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М., 1990. – С. 456–475.
11. Добжиньская, Тереза. Метафора в сказке / Тереза Добжиньская ; пер. с пол. А. Л. Майорова // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М., 1990. – С. 476–492.
12. Достонҳои «Шохнома». Нигориши С. Улуғзода. – Душанбе, «Маориф», 1986. – С. 480.
13. Дэвидсон, Дональд. Что означают метафоры / Дональд Дэвидсон ; пер. с англ. М. А. Дмитриевской // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой ; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М., 1990. – С. 173–193.
14. Кассирер, Эрнст. Сила метафоры / Эрнст Кассирер ; пер. с нем. Т. В. Топоровой // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой ; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М., 1990. – С. 33–43.
15. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с
16. Локк Дж. Соч. в 3-х тт., т. 1. М., 1985, с. 567.
17. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. - 384 с.
18. Москвин В.П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. М.: Ленанд, 2006. – 184 с.; с.112-115.
19. Ортегаи Гассет, Хосе. Две великие метафоры / Хосе Ортегаи Гассет ; пер. с исп. Н. Д. Арутюновой // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой ; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М., 1990. – С. 68–81.

- 20.Петров В. В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы. — «Вопросы языкознания», 1988, № 2, с. 41
- 21.Ср. библиографию работ о метафоре У. Шиблса (Shibles W. Metaphor: An annotated bibliography and history. Whitewater — Wisconsin, 1971), состоящую почти целиком из филологических исследований, с достаточно полной библиографией, помещенной в сб. Theorie der Metapher (hrsg. von A. Haverkamp. Darmstadt, 1983), в которой доля литературно-критических работ невелика.
- 22.Уилрайт, Филипп. Метафора и реальность / Филипп Уилрайт ; пер. с англ. А. Д. Шмелева // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой ; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М., 1990. — С. 82–109.
- 23.Ортони, Эндрю. Роль сходства в уподоблении и метафоре / Эндрю Ортони ; пер. с англ. В. В. Туровского // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М., 1990. — С. 219–235.
- 24.Миллер, Джордж А. Образы и модели, уподобления и метафоры / Джордж А. Миллер ; пер. с англ. В. В. Туровского // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой ; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М., 1990. — С. 236–283.
- 25.Серль, Джон Р. Метафора / Джон Р. Серль; пер. с англ. В. В. Туровского // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М., 1990. — С. 307–341.
- 26.Сказания из «Шахнаме»: Пересказ Сатыма Улугзаде; Пер. с тадж. Норы Улугзаде. — Душанбе: Адиб, 1989. С. 384.
- 27.Маккормак, Эрл. Когнитивная теория метафоры / Эрл Маккормак ; пер. с англ. А. Д. Шмелева // Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой ; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М., 1990. — С. 358–386.

Интернет источники

28. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-bankovskih-terminov-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy/viewer>

**Особенности перевода метафоры с таджикского языка на русский
(на материале «Достонҳои «Шохнома» С. Улугзода в переводе
Норы Улугзода - «Сказания из «Шахнаме»)**

*Мурувватиён Джамия Джамол,
Мурувватиён Сабрина Шерали-Хан*

Аннотация. Данная статья посвящена сравнительному анализу особенностей перевода метафоры и метафорического смысла с таджикского языка на русский язык. Для практического материала автором выбраны, переложенные на прозу сказания из «Шахнаме» в исполнении Сотима Улугзода («Достонҳои «Шохнома») и его перевод на русский язык («Сказания из «Шахнаме»), осуществленный Норой Улугзода. В своем анализе авторы статьи опираются на практику работы с метафорами М. Блэка, Д. Дэвидсона, Дж. Лакоффа, Н. Д. Арутюновой, Э. Кассирер, Дж. Серля, П. Рикера. В теоретической части статьи дана классификация метафор по Лакофф Джонсон, В. П. Москвина. По мнению исследователей, метафора отличается своей «гибкостью» и может функционировать не только в языкознании, но и в психотерапии, социологии и даже экономике, что и определяет ее эстетичность и практичность.

В статье ведутся рассуждения о метафоре, как о термине. Обращаясь к истории метафоры, утверждается, что отношение к метафорам не всегда было равное. В пример приводятся различные,

порой противоречивые умозаключения ученых о метафоре (Т. Гоббс, Дж. Локк).

Авторы статьи придерживаются мнения, что благодаря краткому варианту книги царей, предложенной Сотмом Улугзода в прозу, читателям стал более доступным и понятным к восприятию весь спектр событий «Шахнаме».

В практической части статьи изложены результаты анализа, ко которому следует, что Нора Улугзода в процессе перевода столкнулась с большим количеством выразительных единиц, что значительно усложнило ей работу, все же, несмотря на многие не состыковки с оригиналом, стоит подчеркнуть ее заслугу и важный вклад в перевод таджикской литературы.

Ключевые слова: метафора, сравнительный анализ, таджикский язык, русский перевод, сказания, особенности перевода.

Features of the translation of a metaphor from the Tajik language into Russian

(based on the material “Dostonkoi“ Shohnoma ”by S. Ulugzod, translated by Nora Ulugzod -“ Legends from “Shahnameh”)

Muruvvatien Jamila Jamol,

Muruvvatien Sabrina Sherali-Khan

Annotation. This article is devoted to a comparative analysis of the features of the translation of metaphor and metaphorical meaning from the Tajik language into Russian. For practical material, the author chose legends from "Shahnameh" translated into prose, performed by Sotim Ulugzoda ("Dostonkoi" Shohnoma ") and its translation into Russian ("Legends from "Shahnameh"), carried out by Nora Ulugzoda. In their analysis, the authors of the article rely on the practice of working with the

metaphors of M. Black, D. Davidson, J. Lakoff, ND Arutyunova, E. Cassirer, J. Searle, P. Ricoeur. In the theoretical part of the article, the classification of metaphors according to Lakoff Johnson, V.P. Moskvina is given. According to researchers, the metaphor is distinguished by its "flexibility" and can function not only in linguistics, but also in psychotherapy, sociology and even economics, which determines its aesthetics and practicality.

The article discusses the metaphor as a term. Turning to the history of metaphor, it is argued that the attitude towards metaphors was not always equal. As an example, various, sometimes contradictory conclusions of scientists about a metaphor are given (T. Hobbes, J. Locke).

The authors of the article are of the opinion that thanks to the short version of the book of kings, proposed by Sotm Ulugzoda in prose, the entire spectrum of events in the "Shahnameh" has become more accessible and understandable for readers.

In the practical part of the article, the results of the analysis are presented, to which it follows that Nora Ulugzoda, in the process of translation, encountered a large number of expressive units, which significantly complicated her work, nevertheless, despite many inconsistencies with the original, it is worth emphasizing her merit and important contribution to translation of Tajik literature.

Key words: metaphor, comparative analysis, Tajik language, Russian translation, legends, translation features.

Информация об авторах:

Мурувватиён Джамила Джамоил,

доктор филологических наук,

ведущий научный специалист

отдела современной литературы

Института языка и литературы им. Рудаки
Национальной академии наук Таджикистана.
Тел.: (+992) 93 760 22 33
E-mail.: Alika-xan@mail.ru

Мурувватиён Сабрина Шерали-Хан,
студентка 4-го курса отделения «Перевод
и межкультурная коммуникация» факультета
русской филологии Таджикского национального
университета.
Тел.: (+992) 55554 22 33
E-mail.: sabrinamuruvvatova@mail.ru